

Ника Светлова

ИДУЩИЕ
НА
ЗОВ

Ника Светлова
Идущие на зов

«Автор»

2026

Светлова Н.

Идущие на зов / Н. Светлова — «Автор», 2026

Магнитные полюса Земли сместились и мир изменился. Теперь мёртвые не лежат в могилах, они встают и идут на зов. Айя одна из них. Её тело начинает разлагаться, а душу тянет к источнику света на востоке. Вместе с мужем, который не верит в её смерть, она отправляется в последнее путешествие. Но что ждёт их в конце пути? Исцеление или нечто гораздо более страшное? И какую цену придётся заплатить за то, чтобы дойти до конца?

© Светлова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро	5
Глава 2. Зеркало	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Идущие на зов

Глава 1. Утро

Чайник не засвистел, и Айя сразу поняла, что дело плохо.

Она стояла у окна и смотрела на мокрый ноябрь, на остатки снега, похожие на грязную пену, на серую дорогу. Дорога упиралась в серое небо и там исчезала, и Айя подумала, как повезло дороге. Чайник кипел, пар шёл, но звука не было. Айя подошла, выключила плиту, постояла, прижав пальцы к вискам. Тишина, будто кто-то выключил звук во всём мире. Мир теперь показывали, как немое кино, дёрганое, старое, с выцветшей плёнки.

Она налила кофе, отпила. Вода. Горячая вода, и больше ничего: ни вкуса, ни запаха, ни горечи, будто пьёшь собственную слюну, только горячую. Она понюхала чашку, потом банку с кофе, потом собственное запястье. Везде была пустота.

Она понюхала ещё раз, втянула воздух глубже, почти с отчаянием. Ничего. Только странная, едва уловимая нота, которую она не могла опознать, что-то сладковато-приторное, как забытый в пакете банан. Айя поднесла запястье к носу в третий раз, и теперь этот запах показался ей знакомым. Так пахла её бабушка за три дня до смерти, когда тело уже начало сворачиваться само в себя, а воздух в комнате стал густым и тяжёлым, как сироп. Тогда Айе было пятнадцать, и она не понимала, что это запах уходящей жизни. Теперь она чувствовала его на собственной коже и всё ещё не понимала.

— Простудилась, — сказала она вслух, но голос прозвучал не в воздухе, а где-то внутри черепа, будто она говорила в подушку.

Она повторила громче. То же самое. Слова были, но они не улетали, не разносились по кухне, не отражались от стен, а падали тут же мёртвые, как камешки в воду, без кругов.

Радим спал.

Она вошла в спальню, поправила на нём одеяло, коснулась его волос. От него пахло вчерашним дымом, и этот запах она ещё чувствовала. Значит, не всё пропало. Она прижалась носом к его затылку и стояла так, вдыхая, пока он не заворочался. Захотелось укусить его за ухо, это была старая привычка, ещё с первых месяцев после свадьбы. Она не стала, не хотела его будить.

В зеркале что-то было не так.

Тяжелое зеркало с зеленоватым стеклом вечно врало лица. Сегодня оно не врало, а зависало, будто не успевало. Айя подняла руку, отражение подняло руку с задержкой в долю секунды. Она опустила руку, отражение замешкалось. Она шагнула в сторону, и в зеркале на полу осталось что-то тёмное, какая-то тень, которой не должно было быть. Айя обернулась. Пол был чист. Снова посмотрела в зеркало, там тоже чисто, и она стояла, как обычно, бледная, с синевой под глазами, ещё молодая, но уже тронутая какой-то внутренней плесенью.

И тут она поняла, что не помнит, как легла вчера.

День был, а вечера не было. Она не помнила, как гасила свет, как чистила зубы, говорила ли Радиму «спокойной ночи». Кто-то вырезал страницу из книги и аккуратно заклеил форзац. Теперь она стояла в ванной, а до этого было утро, а между утром и утром ничего. Чёрная дыра.

Она вышла на улицу. Тётя Зина с третьего этажа проплыла мимо с пакетом. Айя протянула руку помочь, и пальцы прошли сквозь пакет, как сквозь дым. Пакет не дрогнул. Тётя Зина не обернулась. Зато у Айи в голове что-то негромко щёлкнуло, почти буднично, как будто закрылась дверца духовки.

Она опустила руку и посмотрела на неё. Кожа была обычной. Бледной, но обычной. Рука, которая только что прошла сквозь материю, будто её не существовало.

Она зашла в магазин. Продавщица долго не брала деньги, смотрела сквозь, потом вдруг вздрогнула, будто проснулась, и спросила про пакет. Айя отказалась и вышла с хлебом и молоком, которые ей были не нужны. Есть не хотелось со вчера. С позавчера. С того самого вечера, которого не было.

Дома Радим пил кофе.

— Ты чего такая бледная? — спросил он, не оборачиваясь. Ложка звякала о чашку. Обычный звук. Самый нормальный звук в мире, и от этого становилось только хуже.

— Не выпалась.

— Ты всю ночь ворочалась. Как себя чувствуешь?

Врал или нет, непонятно. Она не помнила, чтобы ворочалась. Она вообще не помнила ночи. Только темноту, ровную, без снов, без движения, без дыхания, и сразу утром этот чайник, пар без звука.

— Послушай моё сердце, — сказала она вечером.

Они лежали в постели. Радим листал новости в телефоне, хмурился, бормотал что-то про обстановку в регионе, про перебои с электричеством на востоке страны. Айя взяла его руку и положила себе на грудь.

— Послушай. Пожалуйста.

Он прижался ухом. Молчал долго, слишком долго, потом поднял голову. Глаза были чужие. Так смотрит человек, который только что увидел что-то страшное, но решил не подавать виду.

— Всё нормально. Слышу. Ты просто устала.

Враньё. Она видела по глазам. Он не услышал ничего и теперь врал, потому что правда была слишком невозможной для обычного вторника, для обычной спальни, для обычной жизни, в которой люди не умирают, а потом не ходят по кухне и не варят кофе.

Айя отвернулась к стене. Ночью она не спала. Лежала с открытыми глазами и слушала тишину внутри. Тишина была плотной, как толща земли над гробом. И где-то далеко, на самом дне этой тишины, гудел восток. Слабый зов, похожий на гул проводов в мороз, на далёкий поезд.

Она встала, подошла к окну. Там, за домами, за ржавыми крышами гаражей, лежала дорога. Она уходила на восток, и в темноте её не было видно, но Айя знала, что она там. Она чувствовала её, как чувствуют приближение грозы или перемену погоды.

И тут она поняла... поняла, что она умерла. Не сегодня, не вчера. Может, позавчера, когда переходила дорогу и сзади загудел грузовик, и она обернулась, и был резкий свет, и больше ничего. Или ночью, во сне, сердце остановилось, не выдержав тишины, и она просто не проснулась. Вместо неё проснулось что-то другое. Что-то, что ещё помнило, как варить кофе и целовать мужа в затылок.

Она легла обратно, прижалась к тёплой спине Радима. Он пахнул потом и дымом. Он был живой, настоящий.

Она заплакала, но слёз не было. Глаза оставались сухими, только веки саднило, будто в них попал песок. Она лежала в темноте, слушала чужое сердце и придумывала легенду на завтра.

Завтра она скажет ему про Врата, про место, где исцеляют, про источник на востоке. Она соберёт вещи, сядет в машину и поедет туда, куда её тянет, и он поедет с ней, потому что он её муж, потому что он любит её, потому что он ещё не знает.

Она ещё не знала тогда, что врать мёртвым можно, что живые верят мёртвым охотнее, чем живым, что любовь — это не когда вместе навсегда, а когда вместе до Врат. А потом один возвращается, другой уходит в свет, и оба помнят, и оба прощают.

Но это всё будет потом.

А пока она лежала, слушала гул востока и боялась утра. Потому что утром надо будет начинать путь, а она ещё не знала, хватит ли у неё сил сделать первый шаг. И хватит ли у него сил её отпустить, когда придёт время.

Глава 2. Зеркало

Утром она попробовала умереть ещё раз.

Встала рано, пока Радим спал, пошла в ванную, заперла дверь. В зеркале отражалось лицо, всё ещё красивое, но какое-то ненастоящее, как с открытки. Она наклонилась к стеклу, подышала. Стекло не запотело. Она подышала ещё ближе, сильнее. Ничего. Тогда она прижалась лбом к холодной поверхности и закрыла глаза.

И вдруг она почувствовала это. Прямо там, внутри черепа, за глазами, что-то сместилось, будто её мозг налился свинцом и медленно, по миллиметру, опускался к затылку. Она открыла рот, чтобы вздохнуть, и язык коснулся нёба. Оно было влажным, но холодным, и на вкус, как ржавый металл, будто она лизнула батарею в детстве.

За дверью скрипнул пол.

— Айя?

Она открыла глаза. В зеркале за её плечом стоял Радим. Дверь была заперта, он не мог войти. Она обернулась. Никого. Снова посмотрела в зеркало. Радим исчез.

Вот тогда ей стало по-настоящему страшно. Реальность начала расслаиваться, как мокрый картон, и в щели между слоями просвечивало что-то другое, чему она не знала названия.

Она вышла из ванной. Радим стоял на кухне и нарезал хлеб. Нож ходил в его руке ровно, привычно, крошки сыпались на деревянную доску. Доска была старая, с тёмной трещиной посередине, и Айя вдруг вспомнила, что они купили её на ярмарке три года назад, а потом спорили, из какого она дерева. Радим сказал «дуб». Она сказала «бук». Так и не выяснили.

И вдруг поняла, что когда она уйдёт, когда дойдёт до Врат и растворится в свете, всё это исчезнет. Не для него. Для него останутся руки, шрам у большого пальца, родинки и морщинки. А для неё всё это исчезнет навсегда, и она даже не сможет вспомнить.

— Ты чего плачешь? — спросил Радим.

Айя коснулась щеки. Сухо. Она не плакала, но он видел слёзы. Он ещё видел её живой, видел то, чего уже не было. Он любил не её, он любил ту Айю, которая ещё существовала в его голове, а настоящая уже уходила, таяла, как пар от чайника, который так и не засвистел.

— Я не плачу, — сказала она. — Это просто свет так падает.

Он не поверил, она видела. Подошёл, обнял, прижал к себе. От него пахло мылом и табаком. Айя прижалась к нему, но её кожа не чувствовала тепла его тела так, как раньше. Она ощущала давление его рук, но самого тепла почти не было, будто между ними пролегла тонкая резиновая прослойка. Мёртвые чувствуют давление, подумала она, но не тепло. Или чувствуют, но оно им не помогает.

Она шагнула назад и посмотрела на свои руки. Пальцы были бледными, почти прозрачными у ногтей. Она поднесла ладонь к лицу и провела по щеке. Кожа щеки не чувствовала прикосновения. Она провела сильнее, с нажимом, ничего. Тогда она ущипнула себя за внутреннюю сторону предплечья, сильно, до белого следа. След остался, но не исчез. Он висел на коже, как недорисованный узор, и медленно, очень медленно, начал темнеть. Из белого стал серым, из серого, сизым. Как синяк, который появляется не через час, а за три секунды. Она нажала на это место пальцем, под кожей что-то хлюпнуло, будто там была не ткань, а размякший фрукт.

— Нам надо поехать, — сказала она.

— Куда?

— На восток. Там есть место. Я читала. Врата, или что-то такое. Там воздух лечит. Там энергия восстанавливается. Я хочу попробовать.

Слова приходили сами, будто кто-то вложил их ей в рот. Может, так и было. Может, Зов, который гудел в груди, умел не только тянуть на восток, но и подсказывать правильные слова.

Радим молчал. Потом спросил:

— Далеко?

— Не знаю. Дня три. Может, неделю.

— А работа?

— Возьму отпуск за свой счёт. Или уволюсь.

Он посмотрел на неё странно, так смотрят на жену, которая вдруг заговорила на чужом языке. Слова вроде знакомые, а смысл ускользает.

— Ты серьёзно?

— Серьёзней некуда.

Она не сказала: «Я умерла, и если я не дойду до Врат, то начну разлагаться прямо у тебя на глазах». Не сказала: «Чем дольше ты меня держишь, тем страшнее я становлюсь». Она улыбнулась, поправила выбившуюся прядь волос и сказала то, что сработало безотказно:

— Ты же хотел в отпуск.

Прядь волос, которую она поправила, осталась у неё в пальцах. Айя посмотрела на неё и быстро, пока Радим не заметил, сунула в карман халата. Сердце, которого у неё больше не было, всё равно пропустило бы удар, если бы могло. Волосы начали выпадать. Она не знала, что мёртвые лысеют.

Через два дня они выехали.

Сборы были недолгими: сумка с вещами, документы, аптечка, термос с чаем, который Айя не собиралась пить. Радим проверил машину, залил полный бак, положил в багажник одеяло и буксировочный трос. Будто они ехали в обычное путешествие. Айя села на пассажирское сиденье и посмотрела на дом. Серые стены, тёмные окна, антенна на крыше. Она прожила здесь шесть лет. Теперь дом казался фотографией в чужом альбоме. Ни грусти, ни сожаления, ни желания остаться. Только гул в груди, который становился громче, когда машина трогалась с места.

Город кончился быстро. Потянулись поля, перелески, редкие заправки. Мир за стеклом казался декорацией, нарисованным задником, который забыли поменять к следующей сцене. Люди на остановках, собаки у дороги, дым из труб, всё ненастоящее. Или это она ненастоящая. Одно из двух.

— Расскажи про эти Врата, — попросил Радим.

— Я мало знаю. Слышала от одной женщины. Она говорила, что на востоке есть место, куда люди идут, когда болеют. Кто доходит, тот выздоравливает.

— Что за женщина?

— Не помню. Случайная знакомая. Мы в очереди стояли.

Она врала и не чувствовала вины, может, потому что мёртвые не чувствуют вины. Может, потому что цель оправдывала ложь. А может, потому что она уже начала забывать, что такое вина. Память таяла, как снег на карнизе, медленно, незаметно, по капле. Она ещё помнила Радима, помнила его имя, помнила, что любит его, но детали уходили. Как они познакомились? Пусто. Как он сделал ей предложение? Пусто. Осталось только тепло, общее ощущение, как от выпитого когда-то чая, вкус которого уже не вспомнить, но помнишь, что было хорошо.

К вечеру они остановились в придорожном мотеле. Двухэтажное здание с облупившейся краской, мигающая вывеска, пустая парковка. Администратор, пожилой мужчина с усталым лицом, долго не мог найти их бронь, потом махнул рукой и выдал ключи. Айя заметила, что он ни разу не посмотрел на неё. Говорил только с Радимом, будто её не было.

И её не было.

В номере пахло сыростью и чужими сигаретами. Радим пошёл в душ, а Айя села на кровать и вытянула ноги. Она устала, хотя не должна была. Мёртвые не устают. Но она уставала, и это был плохой знак. Она слышала где-то краем сознания, что Идущие, которые задержива-

ются, начинают разлагаться. Не физически, не сразу. Сначала устают. Потом теряют память. Потом плоть.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы были бледными, но целыми. Ногти чистые, кожа гладкая. Ещё несколько дней, и всё изменится. Она не знала, сколько именно у неё времени, но чувствовала, что немного. Зов становился громче с каждым километром. Он требовал движения. Он наказывал за остановки. Странная, тянущая боль где-то под рёбрами, не острая, но настойчивая, как напоминание о невыключенном утюге.

Радим вышел из душа, сел рядом, взял её за руку.

— Холодная.

— У меня всегда холодные руки.

— Не всегда. Раньше ты грела их о мой живот по утрам, и я орал, а ты смеялась.

Айя моргнула. Она не помнила этого. Вообще.

— Ты придумываешь, — сказала она.

— Нет.

Она пожала плечами. Правду сказать нельзя. Ложь уже надоела. Она просто прижалась к его плечу и закрыла глаза. Гул в груди немного стих, но не исчез, как головная боль, к которой привыкаешь.

Ночью Айя не спала. Лежала и смотрела на тени, которые ползли по потолку от фар проезжающих машин. Радим спал, дышал ровно. Один раз он повернулся во сне и обнял её, и она замерла, боясь, что он проснётся и почувствует холод, отсутствие сердцебиения, правду. Но он не проснулся. Его горячая ладонь легла на её живот. Сквозь сон он что-то пробормотал и прижался крепче. Айя лежала неподвижно и думала чувствует ли он, какая она холодная? Или его сонное тепло обманывает его, заставляя верить, что она ещё жива?

Под утро, когда небо за окном стало серым, она услышала шаги под дверью. Шаги были странными, шаркающими, с долгими паузами, будто кто-то шёл, останавливался, собирался с силами и шёл дальше.

Айя встала, подошла к двери, посмотрела в глазок.

По коридору шла женщина. Босиком, в грязной ночной рубашке. Кожа на лице была серой, волосы свисали клочьями. Она двигалась к выходу, и каждый шаг давался ей с трудом, но она шла. На восток. Айя знала это, она чувствовала тот же Зов, что и эта женщина.

Айя открыла дверь.

Женщина обернулась. Глаза были мутными, но в них ещё теплилась какая-то последняя искра.

— Ты тоже? — голос как треск сухих веток.

— Да. Давно?

Женщина не ответила сразу. Она подняла руку, на ней не хватало двух пальцев, указательного и среднего, только тёмные культы с неровными краями, и посмотрела на них так, будто только сейчас это заметила.

— Месяц, — сказала она наконец. — Может, больше. — Она нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то очень далёкое. — Они отвалились... кажется, во вторник. Или в среду. Я уже не помню.

Она постояла, покачиваясь, потом кивнула куда-то в сторону дороги.

— Там ещё трое. Мы вместе идём, но я быстрее. Они отстают.

— Почему?

— Потому что у меня никого нет. А у них есть. Они оглядываются.

Она замолчала, развернулась и пошла дальше, шаркая босыми ступнями по грязному ковру. За ней оставались мокрые, почти чёрные следы. Айя закрыла дверь и прислонилась спиной к стене. Ковёр в коридоре был бежевый, синтетический. Она помнила это. Зачем она помнила цвет ковра, но не помнила их первую брачную ночь?

— Ты чего? — Радим сел на кровати.
— Ничего. Просто шум в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.